

«Мастер и Маргарита»

Глава 1

Никогда не разговаривайте с неизвестными

Однажды весной, в час жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них был маленького роста, толстый, лысый, в очках, второй - рыжий молодой человек был в ковбойке, белых брюках и в черных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций (МАССОЛИТ), и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его - поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Писатели пошли к магазину с надписью "Пиво и Воды". На улице не было ни одного человека. В тот час, когда кажется, и сил не было дышать, никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

-- Дайте нарзану, - попросил Берлиоз.

-- Нарзану нету, -- ответила женщина и почему-то обиделась.

-- Пиво есть? -- спросил Бездомный.

-- Пиво привезут к вечеру, -- ответила женщина.

-- А что есть? -- спросил Берлиоз.

-- Абрикосовая, только теплая, -- сказала женщина.

-- Ну, давайте, давайте, давайте!..

Литераторы выпили и немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке. Берлиоз внезапно перестал икать, и у него заболело сердце. Берлиозу стало так страшно, что ему захотелось бежать с Патриарших. Берлиоз посмотрел вокруг, не понимая, что его напугало. Он подумал: "Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился."

И тут внезапно появился ниоткуда прозрачный гражданин престранного вида. Гражданин ростом 2 метра, очень худой, с нелепой физиономией. Берлиоз не привык к необыкновенным явлениям. Он стал ещё более бледным и подумал: "Этого не может быть!.." Но это, увы, было.

Берлиозу стало так страшно, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, человек исчез и боль в сердце тоже.

-- Фу ты черт! -- сказал редактор, -- ты знаешь, Иван, у меня сейчас что-то вроде галлюцинации было.

Однако потом он успокоился и начал говорить. Он говорил об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич написал, но, к сожалению, редактору не понравилось. Берлиоз хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса не существовало на свете и что все рассказы о нем -- самый обыкновенный миф.

-- Нет ни одной восточной религии, -- говорил Берлиоз, в которой, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых.

Внезапно в аллее появился человек. Человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Или же человек был росту громадного, зубы имел платиновые, хромал на левую ногу. А возможно, особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одно из описаний никуда не годится. Ни на какую ногу он не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые, а с правой -- золотые. Он был в дорогом сером костюме. На вид лет сорок с лишним. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом -- иностранец.

Пройдя мимо скамьи, на которой сидели редактор и поэт, иностранец посмотрел на них, остановился и вдруг сел на соседнюю скамейку, в двух шагах от них.

"Немец", -- подумал Берлиоз.

"Англичанин, -- подумал Бездомный, -- и не жарко ему в перчатках".

-- Ты, Иван, -- говорил Берлиоз, -- очень хорошо и сатирически написал о рождении Иисуса, сына божия, но дело в том, что еще до Иисуса родилось много сынов божиих, например, фригийский Аттис, другими словами, ни один из них не рождался и никого не было, и необходимо, чтобы ты, вместо его рождения, описал нелепые слухи об этом рождении... А то судя по твоему рассказу, Иисус действительно родился!..

В это время иностранец вдруг поднялся и направился к писателям. Те посмотрели на него удивленно.

-- Извините меня, пожалуйста, -- заговорил он с иностранным акцентом—что я позволяю себе... Но предмет вашего разговора настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

"Нет, скорее француз..." -- подумал Берлиоз.

"Поляк?.."-- подумал Бездомный.

Необходимо сказать, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

-- Разрешите мне присесть? -- вежливо попросил иностранец.

-- Если я правильно понял, вы сказали, что Иисуса не было на свете? -- спросил иностранец.

-- Вы правильно поняли -- ответил Берлиоз, -- именно это я и говорил.

-- Ах, как интересно! -- сказал иностранец.

"А какого черта ему надо?" -- подумал Бездомный и нахмурился.

-- А вы соглашались? – спросил иностранец у Бездомного.

-- На все сто! – сказал тот.

-- Изумительно! Простите, но я так понял, что вы не верите в бога? -- он сделал испуганные глаза и добавил: -- Клянусь, я никому не скажу.

-- Да, мы не верим в бога, -- ответил Берлиоз. -- Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец спросил:

-- Вы атеисты?!

-- Да, мы атеисты, -- улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал: "Вот прицепился, заграничный гусь!"

-- Ох, какая прелесть! -- сказал иностранец

-- В нашей стране атеизм никого не удивляет, -- дипломатически вежливо сказал Берлиоз, -- большинство нашего населения давно перестало верить сказкам о боге.

Тут иностранец встал и пожал редактору руку и сказал:

-- Позвольте вас поблагодарить от всей души!

-- За что это вы его благодарите? -- спросил Бездомный.

-- За очень важную информацию, которая мне, как путешественнику, чрезвычайно интересна.

"Нет, он не англичанин..." -- подумал Берлиоз, а Бездомный подумал: "Где это он так научился говорить по-русски, вот что интересно!" -- и опять нахмурился.

-- Но, позвольте вас спросить, -- спросил иностранный гость, -- как же быть с доказательствами бытия божия, которых, как известно, существует ровно пять?

-- Увы! -- с сожалением ответил Берлиоз, -- ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество сдало их в архив. Никакого доказательства существования бога быть не может.

-- Bravo! -- вскричал иностранец, -- bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила. Но вот курьез: он разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, создал собственное шестое доказательство!

-- Доказательство Канта, -- улыбнувшись, сказал редактор, -- также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством.

Берлиоз говорил, а сам в это время думал: "Но, все таки, кто же он такой? И почему так хорошо говорит по-русски?"

-- Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! -- совершенно неожиданно сказал Иван Николаевич.

-- Иван! -- сконфузившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг.

-- Именно, именно, -- закричал он, -- ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: "Вы, профессор, что-то странное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами смеяться будут".

Берлиоз выпучил глаза. "За завтраком... Канту?.. Что это он плетет?" -- подумал он.

-- Но, -- продолжал иностранец, -- отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже сто лет находится в местах более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никак нельзя, уверяю вас!

-- А жаль! -- отозвался задира-поэт.

-- И мне жаль! -- подтвердил неизвестный, -- но вот какой вопрос меня беспокоит: если бога нет, то, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

-- Сам человек и управляет, -- ответил Бездомный.

-- Для того, чтобы управлять, нужно иметь точный план на некоторый срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не может составить какой-нибудь план хотя бы на короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?

И, в самом деле, представьте, что вы, например, начнете управлять другими и собою и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... да, саркома, -- и вот ваше управление закончилось!

Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно думал, что он чем-то управляет, вдруг лежит неподвижно в деревянном ящике.

Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? -- и здесь незнакомец рассмеялся.

Берлиоз с большим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. "Он не иностранец! Он не иностранец! -- думал он, -- он престранный субъект... Но позвольте, кто же он такой?"

-- Вы хотите курить, как я вижу? -- неожиданно спросил неизвестный, -- вы какие предпочитаете?

-- А у вас разные, что ли есть? -- спросил поэт, у которого папиросы кончились.

-- Какие предпочитаете? -- повторил неизвестный.

-- Ну, "Нашу марку", -- злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному:

-- "Наша марка".

И редактора и поэта больше поразил не тот факт, что нашлась в портсигаре именно "Наша марка", сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник.

Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: "Нет, иностранец!", а Бездомный: "Вот черт его возьми! А?"

Поэт и иностранец закурили, а некурящий Берлиоз отказался.

"Надо будет сказать, -- подумал Берлиоз, -- что, человек смертен, но дело в том, что..."

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

-- Да, человек смертен, но это еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

-- Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Конечно, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

-- Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он не угрожает. Вы умрете другой смертью.

-- Может быть, вы знаете, какой именно?

-- "Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть -- несчастье... вечер -- семь..." -- и громко и радостно объявил: -- Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на неизвестного, а Берлиоз спросил:

-- А кто именно? Враги? Интервенты?

-- Нет, -- ответил собеседник, -- русская женщина, комсомолка.

-- Гм... ну, это, извините, маловероятно.

-- Прошу меня извинить, -- ответил иностранец, -- но это так. Мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

-- Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание.

-- Нет, этого быть никак не может, -- сказал иностранец.

-- Это почему?

-- Потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.

-- Простите, при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

-- Подсолнечное масло здесь вот при чем, -- вдруг заговорил Бездомный, -- вы когда-нибудь были в лечебнице для душевнобольных?

-- Иван!.. -- тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся, а даже рассмеялся.

-- Бывал, бывал и не раз! Где я только не бывал! Жаль только, что я не спросил у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

-- Откуда вы знаете, как меня зовут?

-- Кто же вас не знает? -- иностранец вытащил из кармана вчерашний номер "Литературной Газеты", и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи.

-- Я извиняюсь, -- сказал он -- вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.

-- О, с удовольствием! -- воскликнул неизвестный, -- здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу.

-- Вот что, Миша, -- зашептал поэт, -- он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...

-- Ты думаешь? -- шепнул Берлиоз, а сам подумал: "А ведь он прав!"

-- Он дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что. Ты слышишь, как он по-русски говорит, -- поэт говорил и следил, чтобы неизвестный не убежал, идем, задержим его, а то уйдет...

Незнакомец не сидел, а стоял возле нее, держа в руках какую-то книжечку в темно-сером переплете, конверт хорошей бумаги и визитную карточку.

-- Извините меня, я забыл представиться. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации, -- сказал неизвестный.

Те сконфузились. "Черт, все слышал" -- подумал Берлиоз и вежливым жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности. Поэт успел разглядеть на карточке напечатанное иностранными буквами слово "профессор" и первую букву фамилии -- двойное "В".

Отношения таким образом были восстановлены, и все трое снова сели на скамью.

-- Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? -- спросил Берлиоз.

-- Да, консультантом.

-- Вы -- немец? -- осведомился Бездомный.

-- Я-то?.. -- переспросил профессор и вдруг задумался. -- Да, пожалуй, немец... -- сказал он.

-- Вы по-русски здорово говорите, -- заметил Бездомный.

-- О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, -- ответил профессор.

-- А у вас какая специальность? -- осведомился Берлиоз.

-- Я -- специалист по черной магии.

-- И... и вас по этой специальности пригласили к нам? -- спросил он.

-- Да, по этой пригласили, -- подтвердил профессор и пояснил: -- Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист.

-- А-а! Вы историк? -- спросил Берлиоз.

-- Я -- историк, -- подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!

А потом добавил:

-- Имейте в виду, что Иисус существовал.

-- Видите ли, профессор, -- сказал Берлиоз, -- мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

-- А не надо никаких точек зрения! -- ответил странный профессор, -- просто он существовал и больше ничего.

-- Но требуется же какое-нибудь доказательство... -- начал Берлиоз.

-- И доказательств никаких не требуется, -- ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: -- Все просто: в белом плаще...